

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ШУТАС

специалист отдела экспозиционно-выставочной деятельности

Мурманский областной краеведческий музей
(Мурманск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0005-8329-1740; arhaget@gmail.com

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В 1920–1930-е ГОДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ (на материалах Кольского Севера)

А н н о т а ц и я . Статья посвящена исследованию советских праздников 1920–1930-х годов на Кольском Севере как инструмента внутренней политики Советского государства. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей становления советской праздничной культуры применительно к указанной территории. Цель исследования – рассмотреть советские праздники 1920–1930-х годов на Кольском Севере как управляемый инструмент реализации внутренней политики. В соответствии с этим необходимо: выявить основные функции праздничной политики; проанализировать механизмы реализации каждой из функций посредством конкретных праздничных практик; на отдельных примерах проследить трансформацию локальной праздничной политики в 1930-х годах и ее соотношение с общегосударственными тенденциями. Научная новизна исследования заключается в систематизации и комплексном анализе ранее фрагментарно изучавшихся праздничных практик на Кольском Севере с учетом их организационных, социальных и идеологических механизмов. Установлено, что ключевые задачи праздничной политики в крае в указанный период были связаны с обеспечением ресурсной базы праздников и координации деятельности различных ведомств, вовлечением населения в регламентированные формы коллективного участия, а также формированием и трансляцией заданных идеологических установок. Рассредоточенность населения и полиэтнический состав Кольского Севера обуславливали определенные трудности в организации праздничных мероприятий, особенно заметные на примере праздничной антирелигиозной пропаганды в 1920-е годы. В то же время географическая специфика региона была грамотно использована в качестве практической основы для организации здесь крупного праздника межрегионального значения, впервые проведенного в 1934 году. К концу 1930-х годов советские праздники на Кольском Севере представляли собой отлаженный механизм государственной праздничной политики, для которого было характерно утверждение культа личности Сталина с сохранением регионального революционного нарратива.

К л ю ч е в ы е с л о в а : советские праздники, Кольский Север, внутренняя политика, 1920-е годы, 1930-е годы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шутас П. П. Советские праздники в 1920–1930-е годы как инструмент внутренней политики (на материалах Кольского Севера) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 32–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1349

ВВЕДЕНИЕ

События Первой мировой и Гражданской войн, двух революций и военной интервенции существенно изменили исторический путь Кольского Севера¹. Строительство новых инфраструктурных объектов – торгового порта и железной дороги – способствовало трансформации окраинной территории, удаленной от центра бывшего Российского государства, в стратегически важный ресурсный регион. В условиях неизбежной интеграции края в советскую государственную систему актуальным становился вопрос опти-

мального способа адаптации местного населения к новой социально-политической реальности. Одним из его решений стало использование государственных праздников в качестве культурной основы для проведения символической политики советской власти. Со второй половины XX века история советской праздничной культуры становится одним из перспективных направлений как отечественной, так и зарубежной историографии. Существенный вклад в изучение революционных и раннесоветских праздников, процесса формирования революционной символики и об-

рядово-ритуальных практик внесли Е. А. Ермолин [6], С. Ю. Малышева [10], Б. И. Колоницкий [7], Е. В. Барышева [2], К. В. Годунов [4]. В кандидатской диссертации М. К. Декановой представлен процесс трансформации отечественной праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX века².

В зарубежной историографии важное значение имеют работы К. Биннса [15], Р. Стайтса [17], Дж. фон Гельдерна [16], Ш. Плаггенборга [11], а также М. Рольфа [12], в которых революционные и раннесоветские праздники рассматриваются как один из ключевых элементов советской государственной политики.

В современной отечественной историографии прослеживается устойчивый интерес к изучению региональных особенностей становления советской праздничной культуры. Данная проблематика раскрывается в ряде диссертационных исследований, выполненных на материалах Европейского Северо-Востока, Южного Урала, Архангельского Севера, Краснодарского края и Ростовской области, Западной Сибири³. Применительно к Кольскому Северу история раннесоветских праздников исследована фрагментарно. Отдельные аспекты рассматриваются в работах, посвященных организации конкретных праздников⁴ [5], [13], а также юбилеям некоторых населенных пунктов [8].

Целью работы является исследование советских праздников 1920–1930-х годов на Кольском Севере как инструмента внутренней политики. В соответствии с этим необходимо выявить основные функции праздников, проанализировать механизмы реализации данных функций через праздничные практики, а также процесс их трансформации в 1930-х годах на отдельных примерах.

Основной источниковой базой исследования стали материалы архивных фондов Государственного архива Мурманской области, многие из которых являются неопубликованными. Большая их часть представлена праздничными планами, протоколами заседаний праздничных комиссий, межведомственной перепиской и другими документами отчетного характера, выявленными в фондах П-2 (Мурманский окружной комитет ВКП(б)), П-3 (Мурманский губернский комитет ВКП(б)), П-431 (Мурманский уездный комитет ВКП(б)) и ряде других. Помимо этого интерес представляют воспоминания В. Е. Ляпкина, одного из главных организаторов Праздников Севера, составляющие фонд Р-1279 и дающие возможность проследить процесс трансформации локального праздничного события в межрегиональное. Исследование темы строилось

на основе системного подхода к анализу праздничных практик как инструмента региональной внутренней политики. При использовании структурно-функционального метода были выделены и охарактеризованы ключевые функции советских праздников, рассмотренные в качестве взаимосвязанных элементов единой управленческой модели. Применение историко-сравнительного метода дало возможность сопоставить праздничные стратегии двух десятилетий, а также частично сравнить опыт праздничной политики на Кольском Севере с другими «периферийными» регионами.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ: КООРДИНАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПРАЗДНИКА

К 1920 году в Советской России сложились основные контуры праздничного календаря, закреплённые нормативными правовыми актами. В соответствии с правилами Совета народных комиссаров от 2 декабря 1918 года был установлен перечень нерабочих праздничных дней (1 января, 22 января, 12 марта, 18 марта, 1 мая, 7 ноября)⁵. Вместе с тем на данном этапе праздничная практика не исчерпывалась официальным календарем: наряду с закреплёнными датами в стране формировался широкий круг иных праздничных мероприятий, не обладавших статусом выходных дней, но активно использовавшихся в общественно-политической жизни.

Результатом организации в стране в 1920 году системы агитационно-пропагандистских отделов стало взаимодействие центра и периферии: агитационно-пропагандистский отдел при Центральном комитете ВКП(б) определял характер и задачи праздничных кампаний, которые были отражены в многочисленных делопроизводственных материалах, рассылаемых в регионы.

Плановая организация праздника как на центральном, так и на местном уровнях начиналась с заседаний рабочих коллегий, на которых формировался состав организационных комиссий. В их задачи входило утверждение общего плана мероприятий и его вынесение на расширенное обсуждение с участием представителей различных ведомств и учреждений⁶.

Анализ содержания праздничных мероприятий показывает, что одной из ключевых задач праздничных кампаний являлась организация межведомственного взаимодействия. Представляется необходимым дополнить утверждение М. Рольфа о том, что «разнородный состав праздничных комиссий способствовал активизации коммуникации между учреждениями» [12: 106]. Координация различных организаций и учреждений обеспечивала концентрацию финансо-

вых, материальных и трудовых ресурсов, необходимых для проведения массовых праздников. При этом объемы средств, поступавших от сторонних организаций, многократно превышали ассигнования, выделяемые краевой праздничной комиссией. Так, при подготовке празднования 7-й годовщины Октябрьской революции в Мурманской губернии это соотношение составляло 1900 рублей к 100 рублям соответственно⁷. Помимо финансового участия сторонние организации обеспечивали проведение праздников помещениями, топливом (керосин), оборудованием, а также рабочей силой. В последнем случае активно привлекались комсомольцы, преимущественно для выполнения физически трудоемких задач⁸.

Важным направлением мобилизации ресурсов являлось продовольственное обеспечение праздничных мероприятий. Одним из показательных примеров служит День Красной армии, особенностью празднования которого была организация торжественных обедов. В их обеспечении участвовали как государственные, так и партийные структуры, что, в свою очередь, свидетельствует о комплексном характере мобилизационных практик. Так, по случаю празднования 5-летия Красной армии Мурманским губисполкомом было выделено 15 пудов белой муки для обеда красноармейцев, Муротделением Архвоенторга – 10 пудов белой муки для обеда моряков. Дополнительно к этому со стороны РКСМ, осуществлявшего шефство над моряками, было выделено 8 пудов мяса для вышеуказанного обеда⁹.

С точки зрения мобилизации трудового населения края праздники помогали в решении ключевых хозяйственных задач. Примером подобной мобилизационной практики стал День Интернационала (1 мая) 1920 года – первый общегосударственный праздник, проведенный на Кольском Севере после восстановления здесь большевистской власти. Согласно постановлению Президиума ВЦИК № 40 от 13 апреля 1920 года, празднование ближайшего Первомайского праздника превращалось во Всероссийский субботник «в связи с обращением главных усилий страны на трудовой фронт»¹⁰. На территории Александровского уезда основную массу участников праздничного субботника составляли рабочие и красноармейцы, в том числе члены коммунистических ячеек. В Кольско-Лопарской волости был задействован практически весь состав местной (Кильдинской) коммунистической ячейки – порядка 20 человек, за исключением председателя Кильдинского селькома Чертовикова и секретаря Славковского, которые «не желали выйти на работу»¹¹. Участники занимались

преимущественно разборкой русла для проезда к колодцу. В итоге «разобрали камни длиной 20 сажень, шириной 2 сажени»¹². В Александровске были проведены санитарно-технические работы на траулерах, охватывавшие площадь более 2000 квадратных метров. В числе прочих были очищены два кубрика, сделан бревенчатый плавучий мост для сообщения траулеров с берегом¹³. В Мурманске было задействовано около 3 тысяч человек, мероприятия продолжались с 9 часов утра до 3 часов дня. В административном центре были заложены: двухэтажная школа, дом «Приют-Сад» для детей, постройка под станцию Мурманск. Помимо этого была очищена от снега узкоколейка, отремонтирован паровоз, производилась уборка мусора¹⁴.

В дальнейшем практика мобилизации трудового населения посредством праздников неоднократно использовалась местными властями. В частности, таким образом был реализован проект по созданию первого в Мурманске памятника в рамках празднования 10-летия Октябрьской революции. Процесс сбора носил соревновательный характер. Деньги на строительство памятника вносили как рядовые граждане, так и отдельные учреждения и организации. В их числе – коллектив нового городского универмага ТПО (Транспортно-потребительского общества), открытие которого состоялось в том же году. Незадолго до праздника на общем собрании работников ТПО было решено устроить воскресник для уборки здания универмага. Вырученные деньги планировалось передать Комиссии по постройке памятника¹⁵. Таким образом, созданный за счет добровольных пожертвований населения и трудовых коллективов памятник символически закреплял представление о народном характере революционных преобразований.

Вместе с тем, в отличие от межведомственного взаимодействия, где мобилизационный потенциал праздников реализовывался преимущественно в административно-организационной плоскости, вовлечение населения в праздничный процесс и формирование у него устойчивой мотивации к участию в праздниках подразумевали более широкое использование их функционала.

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ТЕЛА ПРАЗДНИКА

Интеграционная функция советских праздников была направлена на конструирование самой праздничной общности. Ее содержание соотносилось с одним из ключевых принципов теории революционных массовых праздников, сфор-

мулированным А. В. Луначарским: «массы сами являются для себя зрелищем» [9: 84].

Продолжая анализ организации Дня Интернационала 1920 года на территории Александровского уезда, следует обратить внимание на ее интеграционную составляющую. Опубликованный накануне праздника план его проведения демонстрирует высокую степень регламентации коллективных действий: участники заранее распределялись по группам, выстраивались в колонны, двигались по заданному маршруту и вновь собирались после завершения работ. За каждой участвующей организацией или учреждением был закреплен свой руководитель, и на каждые 100 человек – один старший, назначенный данной организацией / учреждением заранее. Участники шествия несли знамена, плакаты и флаги. Руководитель держал в руках белый флажок для подачи сигнала в случае остановки¹⁶. Тем самым праздничное пространство превращалось в форму символически организованного коллективного действия¹⁷.

Социальный характер интегративной функции советских праздников также выражался в решении задач, связанных с вовлечением отдельных социальных групп в общественно-политическую деятельность. Примером этого служит празднование Международного женского дня в 1921 году. На праздничном митинге 8 марта в Мурманске было задействовано около 500 женщин из числа работниц, в Кольской волости – около 100¹⁸. На следующий после праздника день была открыта первая беспартийная конференция работниц Александровского уезда. В ней участвовали не только жительницы Мурманска и Колы, но и представительницы отдаленных населенных пунктов. Как отмечалось в циркулярном письме женотдела уездкома, первая уездно-городская беспартийная конференция работниц «дала большой толчок в работе». В частности, четыре участницы конференции были трудоустроены в Собез, Здравоотдел, Упродком и женорганизатором в Дровяное¹⁹.

Кульминацией развития публично-массового формата праздничной интеграции на Кольском Севере стала торжественная часть празднования 10-летия Октябрьской революции в Мурманске. В мероприятии были задействованы партийные, профессиональные, комсомольские, общественные организации, в том числе физкультурные, военно-стрелковые и военно-санитарные кружки, пионеры, учащиеся школ. Важной особенностью организации празднования было использование специальных аудиосредств – звуковых сигналов, регулирующих ключевые моменты торжества: сбор участников (10:30), старт шествия

к зданию окружного исполкома для построения колонн (11:00), начало движения демонстрации по маршруту от улицы Ленинградской до площади Жертв Революции (11:30) и открытие митинга (12:30), символизирующего одновременное открытие памятника. Последние сопровождался десятикратным пушечным салютом, произведенным стоящими на рейде военными судами²⁰.

Использование властью мобилизационного и интеграционного потенциала советских праздников давало возможность создавать условия для формирования у населения определенных ценностных ориентиров.

ОРИЕНТАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ: МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ СМЫСЛАМИ

При рассмотрении ориентационной функции советских праздников следует подчеркнуть, что она имела наиболее разветвленные механизмы осуществления. Среди них – героико-нормативный, символично-номинативный, календарно-хронологический и агитационно-пропагандистская работа.

Героико-нормативный механизм выражался в символической маркировке определенных социальных групп в рамках праздников. В первую очередь это относилось к трудовому населению края, точнее, к передовым рабочим, как правило, имеющим значительный трудовой стаж, – так называемым «героям труда». Подобные акции проводились преимущественно в рамках Дней Интернационала и имели публичный характер. Праздничные подарки для рабочих представляли собой наборы, содержащие как продукты, так и непродовольственные товары. Например, подарочный набор для награждения в 1921 году включал 5 фунтов белой муки, 1 фунт сахарного песка, 1,5 аршина ситца на одежду, 1/8 часть табака и кусок мыла²¹. Практика праздничных подарков распространялась и на учащихся школ, имеющих выдающиеся достижения в учебе или общественной работе. Распространенным видом подарков для школьников служили угощения, среди которых особенно популярны были орехи²².

Символично-номинативный механизм выражался в конструировании государством идеологически значимых наименований в рамках тех или иных праздничных дат, посредством которых создавалась конкретная интерпретация исторических событий и их значения для советского общества. Здесь уместно сравнить мурманский опыт (ситуация вокруг вышеупомянутого памятника к 10-летию Октябрьской революции) с петрозаводским. В последнем случае местные власти, приняв решение об установлении в 1922 году

памятника на территории братской могилы коммунистов, погибших на Заонежском фронте, прибегли к практике символического замещения: датой торжественного открытия было выбрано 12 июля – День святых апостолов Петра и Павла, который в дореволюционном Петрозаводске был особо популярным и отмечался как день города. Переименованный праздник в итоге превратился в День труда. При этом название самого праздника было выбрано достаточно обобщенным – «Героям борьбы за свободу трудящихся» [3: 11]. Мурманские власти далеко не сразу определились с тем, какой символический смысл должно выражать название памятника, выбирая между несколькими вариантами: монумент 10-летию Октября, Борцам революции, Жертвам революции, Жертвам интервенции. В конечном итоге выбор был сделан в пользу названия «Жертвам интервенции 1918–1920 гг. Мурманские рабочие и рыбаки в день 10-летия Великого Октября»²³. Окончательный вариант задавал систему символических ориентиров, противопоставляя «своих» («мурманские рабочие и рыбаки») и «чужих» (интервенты), а также указывая на событие, легитимирующее новую политическую реальность, – «10-летие Великого Октября». Таким образом, в случае мурманского памятника имело место уже не советское переозначивание локальной праздничной традиции, а конструирование нового символического пространства, связывавшего региональную историю с общесоветским нарративом Октября.

Укреплению авторитета советской власти способствовал и календарно-хронологический механизм, одно из направлений которого встречается в практике празднования годовщин Октябрьской революции начиная со второй половины 1920-х годов. Согласно Постановлению Президиума ЦИК, с 1927 года оно распространялось уже на два дня – 7 и 8 ноября²⁴. При этом на практике большевики активно задействовали в праздновании годовщин революции и день 6 ноября, именуя его в делопроизводственной отчетности «праздничным». Основная нагрузка возлагалась на учреждения клубного типа с целью проведения в них мероприятий «с торжественной и развлекательной частью»²⁵. Среди них следует особо выделить так называемые «вечера воспоминаний», с приглашением непосредственных участников событий революции и Гражданской войны²⁶. В отношении последних осуществлялась упомянутая выше практика героизации современников. Подобные мемориальные акции были достаточно распространенным явлением в ряде регионов Советской России. Например, в Автономной Карельской ССР (АКССР)

подобные мероприятия имели особое значение в рамках празднования республиканских юбилеев, ключевую роль здесь выполняли встречи с участниками Гражданской войны – красными партизанами, красногвардейцами и др. [14: 42]. На Кольском Севере «вечера воспоминаний» имели свою специфику, которая определялась их связью с конкретным праздником. Так, в рамках празднования годовщин Октябрьской революции на территории Мурманского округа уже к началу 1930-х годов акцент в проведении «вечеров воспоминаний» сместился на жителей отдаленных районов, преимущественно саами. Публикация высказываний этих участников на страницах центральной печати давала возможность получить представление об их настроениях и отношении к происходившим в крае изменениям²⁷. Вместе с тем, поскольку содержание подобных материалов, очевидно, определялось также идеологическим отбором, данный тип «вечеров воспоминаний» следует рассматривать как селективно сформированное публичное представление общественных настроений, соответствующее задачам советской политики. По мнению автора, праздничные мемориальные акции на Кольском Севере имели наибольшее идеологическое значение в рамках проведения Дня Красной армии (23 февраля), локальная специфика которого заключалась в объединении с годовщинами освобождения края от белогвардейской власти (21 февраля). Такое совмещение давало возможность частично нивелировать историческое противоречие, на которое обращают внимание некоторые исследователи, в частности Ш. Плаггенборг, именующий его «искажением истории революции», поскольку на момент смены власти Красной армией не существовало в качестве «сложившейся революционной военной структуры» [11: 299]. Таким образом, объединенный праздник усиливал идеологическое воздействие за счет наложения локального нарратива на общегосударственный праздничный календарь. Следует также отметить тщательный контроль состава приглашенных, которому подвергались даже непосредственные организаторы вооруженного восстания, включая И. И. Александрова²⁸.

Изменение праздничных сроков могло быть направлено и на подрыв праздников, прежде всего православных. В этих случаях применялась практика перенесения праздничных дат с юлианского на новый, григорианский, календарь. Такая мера определялась изданными 30 июля и 14 августа 1923 года Декретами Президиума ВЦИК «О перенесении десяти дней отдыха со старого на новый стиль» и «О разъяснении постановления о перенесении десяти дней от-

дыха на новый стиль»: первый определял возможность перенесения дат православных праздников по юлианскому календарю «на соответствующие числа нового григорианского стиля»²⁹, второй фактически наделял местную власть правом решения о наделении некоторых православных праздников (Преображение, Успение и Рождество Христово) статусом выходных дней³⁰. В Мурманской губернии практика перенесения дней отдыха православных праздников получила развитие менее чем через год после выхода указанных постановлений. Незадолго до пасхального праздника было издано постановление Президиума Мурмугубпрофсовета, согласно которому предусмотренные дни отдыха 26–28 апреля переносились на 2 и 3 мая³¹.

Содержание и задачи праздничной агитационно-пропагандистской работы определялись идеологической функцией конкретного праздника. Так, День Интернационала на Кольском Севере в 1920-е годы активно использовался в качестве плацдарма для антирелигиозной пропаганды. После введения в стране праздничных антирелигиозных мероприятий – «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи» – местные власти неоднократно приурочивали проведение последней к первомайской агитационно-пропагандистской работе. В отдаленных населенных пунктах и сельской местности неотъемлемой частью антирелигиозной пропаганды было проведение бесед на естественно-научные темы с участием сельских врачей³². Вместе с тем, как показывают исследования, антирелигиозная пропаганда представляла собой наиболее сложное в практическом отношении направление праздничной агитационно-пропагандистской работы в «периферийных» северных регионах Советской России. Например, по данным А. В. Фроловой, на территории Архангельской губернии антирелигиозные постановки в рамках «комсомольской пасхи» 1924 года нередко «вызывали у людей раздражение»³³. На Кольском Севере ситуация была еще более сложной, обуславливаясь, во-первых, социокультурной спецификой края как полиэтнической территории, во-вторых, низким уровнем подготовки агитаторов к работе с местным населением. Так, в протоколе заседания расширенной коллегии агитпропотдела Мурманского губкома РКП(б), подводящего неудовлетворительные итоги первой «комсомольской пасхи» в 1923 году по отдельным волостям Мурманской губернии, приведены обоснования отрицательных результатов. Применительно к Александровску в качестве причин указывались «обывательско-мещанские настроения» среди местного населения, которые, по мнению авторов документа, привели к сры-

ву проведения «комсомольской пасхи»³⁴ [1: 36]. В Тюва-Губе, как населенном пункте с преобладающим иностранным населением (финны), «родители запирали своих детей, чтобы те не шли на собрание». В целом здесь отмечался высокий уровень религиозности населения³⁵. Трудностями политработы авторы отчетов объясняли неудачи антирелигиозной пропаганды и в Ловозерском районе, с формулировкой, что там «народ старого закала и отсталый»³⁶.

В последующие годы ситуация не улучшилась. Например, в отчетах о проведении агитационно-пропагандистской работы в рамках первомайской кампании 1927 года по Ловозерской ячейке ВКП(б) зафиксировано: «Заинтересованность слабая. Недостаточная самостоятельность. Удовлетворительный уровень проведения. Требования большинства людей сводились к увеличению количества спектаклей»³⁷.

В противоположность первомайской, массовая политическая работа в рамках празднования годовщин Октябрьской революции открывала пространство для позитивной агитации, которая выражалась в обосновании исторической роли Коммунистической партии и ее ведущих деятелей, в первую очередь В. И. Ленина. По мнению К. В. Годунова, с 1920 года «ресурс празднований окончательно перешел в ведение большевиков» [4: 40]. Это давало власти возможность активно использовать годовщины революции для освещения ключевых изменений как в общегосударственном, так и в краевом масштабе. К примеру, в рамках празднования 7-й годовщины Октябрьской революции на территории Мурманской губернии для публичных выступлений были заявлены следующие темы: «Ленин и Октябрьская революция», «Художественное строительство за 7 лет», «Ленин, Октябрьская революция и национальный вопрос», «Методическое значение Октябрьской революции», «Международное положение к 7-й годовщине Октябрьской революции»³⁸. Во второй половине 1920-х годов в праздничной агитационно-пропагандистской работе активно использовалась оппозиция «отсталое дореволюционное – передовое социалистическое». К примеру, в рамках кампании к 11-й годовщине Октябрьской революции аудитории были представлены доклады на темы «От царизма – к диктатуре пролетариата...», «Народное хозяйство за 11 лет и значение промышленности Мурманского края», «Промышленность СССР за 11 лет и развитие Мурманского края»³⁹.

Таким образом, в 1920-е годы советские праздники превращались в управляемый инструмент внутренней политики, выполняя широкий спектр задач. Анализ праздничных практик 1920-х го-

дов на Кольском Севере дает возможность обратиться к их трансформации в следующем десятилетии.

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В 1930-е ГОДЫ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

К началу 1930-х годов в развитии регионов Советской России, географически удаленных от центра, наметилась новая тенденция, связанная с задачей преодоления информационной и культурной изоляции. В этих условиях на первый план выходили уже локальные праздники, дающие возможность конструирования и публичной трансляции такого формата, который, с одной стороны, раскрывал уникальные особенности отдельно взятого региона, с другой – демонстрировал их значимость для Советского государства в целом. При этом вышеуказанная задача не предполагала единообразия в выборе конкретного праздника для ее реализации. К примеру, на территории АКСССР ключевое значение имели празднования юбилеев республики. Как отмечает С. Н. Филимончик, организация подобных праздников, с приглашением гостей из других регионов страны и иностранцев, помогала «создавать позитивный образ республики в СССР и мире». Основной акцент делался на демонстрации разного рода достижений – в производстве, культуре и т. д. [14: 41].

На Кольском Севере, в силу специфики административно-территориального положения региона, подобный тип праздников не получил существенного развития. Поиски универсального локального праздника были продиктованы здесь не только решением вышеуказанной задачи, но и необходимостью повышения уровня развития физкультуры и спорта в регионе, который оставался весьма слабым. В частности, на территории края не проводилось физкультурных парадов, являвшихся важной частью некоторых советских праздников. Точкой отсчета в истории будущего праздника стало обращение председателя межсоюзного бюро физкультуры при Мурманском Окружном совете профсоюзов Владимира Емельяновича Ляпкина к председателю совета Павлу Ивановичу Архипову с предложением о проведении межсоюзных лыжных соревнований и выделении на эти цели финансовых средств. Ляпкин был командирован в Ленинград, где встретился с представителями областного совета профсоюзов. В ходе разговора он обосновал приоритет Кольского полуострова как единственной территории в пределах Ленинградской области⁴⁰, где в конце марта сохранялся устойчивый снежный покров. Инициатива получила одобре-

ние: Леноблпрофсовет выделил 5 тысяч рублей, ВЦСПС – 10 тысяч рублей⁴¹.

Ориентационный характер северного физкультурного праздника⁴² отражен в учредительных документах. Согласно Постановлению Президиума Мурманского Окрпрофсовета от 13 марта 1934 года «О проведении зимнего физкультурного праздника в профсоюзах города Мурманска», будущий спортивный праздник создавался «в целях широкой популяризации Советской культуры, внедрения элементов физкультуры (лыжный спорт) в быт народа Севера, развития самостоятельного физкультурного движения в Мурманских профсоюзах на Крайнем Севере»⁴³. Тем самым праздник должен был закрепить в массовом сознании нормативный образ советского – физически развитого, дисциплинированного – человека, противопоставленный «отсталому» быту.

Все участники спортивного праздника освобождались от основной работы в период с 25 марта по 1 апреля. Для стимулирования трудовой активности предусматривались три премии за лучшую подготовку по линии союзов и выполнение контрольных цифр ГТО по лыжам в размере 400, 250 и 100 рублей соответственно⁴⁴. Призовой фонд для победителей соревнований был достаточно разнообразным. Помимо грамот и спортивных статуэток, в числе наград фигурировали велосипед, лыжные костюмы из шелка и шерсти, наручные часы⁴⁵.

Показательно, что первоначальный замысел организаторов придать Празднику Севера международный характер не получил поддержки у советского руководства. На афишах, напечатанных к мероприятию, в числе стран-участников были указаны Финляндия, Швеция и Норвегия. Заместитель председателя Мурманского Окружного совета физкультуры Петр Венедиктович Жигунов был направлен в Москву для согласования вопроса о приглашении иностранных лыжников. На приеме у И. В. Сталина был задан вопрос: «Есть ли у вас уверенность, что у наших лыжников результаты будут не хуже, чем у лыжников этих стран?» Жигунов признал отсутствие такой уверенности, на что получил ответ: «Давайте повременим с приглашением иностранцев, пока не научимся хорошо ходить на лыжах»⁴⁶. Данный эпизод красноречиво свидетельствует о том, что региональные праздники всерьез рассматривались властью в качестве элемента международной репрезентации советской системы.

Особенностью спортивного праздника стало включение в программу соревнований представителей коренных малочисленных народов – оленеводов Мурманского округа. Для них были

предусмотрены наиболее ценные призы – двуствольное охотничье ружье с патронташем, патронами, сумкой и чехлом, патефон с 25 пластинками, а также бронзовая монолитная скульптура оленевода работы Н. И. Либериха⁴⁷. Тем самым власти нашли оптимальный способ их интеграции в советское праздничное пространство.

К середине 1930-х годов ключевой задачей ориентационной функции советских праздников становится активная пропаганда личности И. В. Сталина. На региональном уровне репрезентация власти активно транслировалась через местные праздничные кампании, в особенности посредством оформления городского пространства и агитационно-пропагандистской работы. Образ руководителя Советского государства активно использовался в качестве символа глобальных преобразований, происходивших в крае. Так, при оформлении центра города Мурманска в рамках празднования годовщины Октябрьской революции практически ни одна тематическая зона не обходилась без изображения или, по крайней мере, упоминания И. В. Сталина⁴⁸.

Вместе с тем, как показывают архивные материалы, праздничные кампании, относящиеся к событиям краевой истории (например, 15-летие освобождения края от белогвардейской власти в 1935 году), сохраняли относительную автономность символического содержания. Так, в рамках празднования указанной годовщины, отмечавшейся в разгар сталинской массовой пропаганды, целевая установка мероприятия сводилась к тому, чтобы «показать роль партии, роль Ленина-Сталина-Кирова в борьбе за освобождение Мурманска от интервентов и развитие социалистического строительства на Мурмане»⁴⁹.

В заключение следует обратиться к репортажу Мурманского радио о первомайской демонстрации 1939 года, который показывает высокий уровень взаимодействия многих вышеуказанных механизмов праздничных функций. Центральное место в праздничном пространстве занимал образ руководителя Советского государства: «Кругом портреты творца наших побед – *великого* (здесь и далее курсив наш. – П. Ш.) Сталина и его *любимых верных соратников...*». Данный аспект также раскрывался через участие в празднике детей и привилегированных групп:

«Лучшие отличники школы несут портрет *любимого друга* советской детворы – *великого* Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б)... Полярники несут... портрет тов. Сталина – *любимого друга* советских полярников».

Подчеркивался интернациональный характер СССР: «Впереди – группа ребят в пестрых наря-

дах одиннадцати союзных республик». Использовалась героизация современников:

«Окруженная детворой, идет лучшая учительница города Лидия Филипповна Антропова, награжденная товарищем Кагановичем золотыми часами “За отличную работу по коммунистическому воспитанию детей железнодорожников”».

Оформление демонстрации обозначало актуальные государственные задачи: «Над второй группой демонстрантов высится лозунг... “В третьей пятилетке полностью освоить и превратить Северный морской путь в нормально действующую водную магистраль”». Подчеркивалась эмоционально приподнятая атмосфера массового единства: «Ребята идут радостные, ликующие и шумные... Идут тысячи веселых и радостных мурманцев»⁵⁰.

Второе советское десятилетие стало периодом окончательного превращения советских праздников, отмечаемых на территории края, в отлаженный управляемый механизм, в рамках которого каждая из функций занимала строго отведенное место и эффективно дополняла другие.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты показывают, что в 1920–1930-е годы отличительной особенностью праздничной политики на Кольском Севере было сочетание общегосударственных праздничных стандартов с региональной спецификой. Сравнительный анализ с данными по смежному региону – АКССР показывает более выраженную локальную особенность ориентационной функции на Кольском Севере. Последняя заключалась не только в содержании праздников, но и в способе, которым советская власть производила ориентацию населения через праздник. Механизмы данной функции здесь накладывались на региональную историческую память (освобождение края от белогвардейской власти) и этническую ситуацию. В первом случае это было, скорее, преимуществом, во втором – демонстрировало противоречивые результаты, в особенности в сфере праздничной антирелигиозной пропаганды.

Успех организации на Кольском Севере в начале 1930-х годов нового типа локального праздника, у которого не было аналогов в других «периферийных» регионах Советской России, во многом определялся грамотным сочетанием всех ключевых функций праздничной политики. При этом уровень межведомственного взаимодействия, характерный для 1920-х годов, достиг межрегионального масштаба за счет подключения ресурсов на более высоком уровне власти.

Подобно большинству других регионов РСФСР, на Кольском Севере в 1930-е годы произошла окончательная институционализация праздничного пространства с доминированием культа личности вождя. При этом праздничная политика 1930-х годов сочетала процессы унифи-

кации идеологического пространства с сохранением регионально обусловленных мемориальных сюжетов, в рамках которых культ личности руководителя Советского государства интегрировался в коллективный революционный нарратив, а не полностью подменял его.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термином «Кольский Север» в данной статье обозначается исторически сформировавшаяся территория, соответствующая современной Мурманской области; административный статус края и его границы в рассматриваемый период неоднократно менялись.
- ² Деканова М. К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX века: центр и провинция: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.
- ³ Котылева И. Н. Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005; Мордасова М. А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005; Фролова А. В. Праздники русских Архангельского Севера в XX – начале XXI века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Шаповалов С. Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011; Азарова П. Е. Массовые праздники городского населения Западной Сибири первых послереволюционных десятилетий в контексте актуализации культурного наследия: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017.
- ⁴ Пивоварова Т. В. Праздник юности // Кировский рабочий. 2017. № 26. С. 7; Пивоварова Т. В. Из истории Первояма // Кировский рабочий. 2022. № 17. С. 13.
- ⁵ Правила СНК от 2 декабря 1918 года «О еженедельном отдыхе и праздничных днях»: прил. к ст. 104 КЗОТ от 10 декабря 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 87–88. Ст. 905.
- ⁶ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.
- ⁷ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 176. Л. 14, 21.
- ⁸ ГАМО. Ф. П-431. Оп. 1. Д. 59. Л. 41.
- ⁹ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 121. Л. 79.
- ¹⁰ Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. Т. 3. М.: Советская Россия, 1961. С. 57.
- ¹¹ ГАМО. Ф. П-431. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 34.
- ¹⁴ Там же. Л. 49.
- ¹⁵ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 79. Л. 8.
- ¹⁶ Известия Мурманского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1920. 29 апреля. С. 1.
- ¹⁷ Тема «переноса сакральности» с религиозной сферы в политическую прослеживается в целом ряде исследований как отечественных, так и зарубежных авторов. Сам термин введен французским исследователем М. Озуф в работе «Революционный праздник: 1789–1799», посвященной праздникам Великой французской революции. В исследованиях, в частности, отмечается замена дореволюционных символов (иконы, проповеди, крестный ход и др.) революционными (портреты вождей, митинги, демонстрация и др.). См.: Мордасова М. А. Указ. соч. С. 60–61; Ермолин Е. А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930-х годов. Ярославль, 1996. С. 30; Сторчак В. М. Советская гражданская религия. М., 2019. С. 40; [15: 590].
- ¹⁸ ГАМО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 78. Л. 13.
- ²¹ ГАМО. Ф. П-431. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.
- ²² Там же. Л. 24.
- ²³ Ермолаев Д. В. Неизвестные монументы забытого Мурмана. 2. Стадион, могила, сквер // Мурманский вестник. 2016. № 130, 131. С. 22.
- ²⁴ Постановление Президиума ЦИК СССР от 26 октября 1927 года «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции, и об особых днях отдыха» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1927. № 60. Ст. 608.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5451. Оп. 10. Д. 494. Л. 28.
- ²⁶ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 10.
- ²⁷ Полярная правда. 1933. № 248. С. 3.
- ²⁸ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 121. Л. 115–116.
- ²⁹ Декрет Президиума ВЦИК от 30 июля 1923 года «О перенесении десяти дней отдыха со старого на новый стиль» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 70. Ст. 678.

- ³⁰ Декрет Президиума ВЦИК от 14 августа 1923 года «О разъяснении постановления о перенесении десяти дней отдыха на новый стиль» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 72. Ст. 707.
- ³¹ Полярная правда. 1924. № 21. С. 1.
- ³² ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 371. Л. 9.
- ³³ Фролова А. В. Указ. соч. С. 94.
- ³⁴ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 121. Л. 51.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 52.
- ³⁷ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 371. Л. 38–39.
- ³⁸ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 176. Л. 13.
- ³⁹ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 12.
- ⁴⁰ С 1927 по 1938 год край входил в состав Ленинградской области на правах округа.
- ⁴¹ ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 27. Л. 13.
- ⁴² Одно из первых названий Праздника Севера.
- ⁴³ Мурманский областной краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд (МОМ НВ) 4930/1. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2.
- ⁴⁵ Полярная правда. 1934. № 76. С. 4.
- ⁴⁶ ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 27. Л. 14.
- ⁴⁷ Полярная правда. 1934. № 76. С. 4.
- ⁴⁸ Полярная правда. 1938. № 251. С. 4.
- ⁴⁹ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 609. Л. 82.
- ⁵⁰ ГАМО. Ф. Р-947. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: МГГУ, 2015. 253 с.
2. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: Изд-во РГГУ, 2020. 193 с.
3. Волохова В. В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // CARELICA. 2015. № 1. С. 8–23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://carelica.petsru.ru/2015/VOLOKHNOVA.pdf> (дата обращения 15.05.2026).
4. Годунов К. В. Красная Пасха: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2023. 254 с.
5. Дубницкий М. А. Праздник Севера. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 157 с.
6. Ермолин Е. А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930-х годов. Ярославль: ЯГПУ, 1996. 141 с.
7. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
8. Коткин К. Я. «Работать еще лучше. Культурно, весело...»: организация и проведение празднования пятилетия г. Кировска в 1934 г. // Мурманская область: история и современность: Материалы круглого стола 15 ноября 2018 года. Мурманск, 2019. С. 22–38.
9. Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М.: Искусство, 1981. 424 с.
10. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
11. Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Литера, 2000. 415 с.
12. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина: РОС-СПЭН, 2009. 439 с.
13. Синцов А. Н. Полярные олимпиады: записки лыжника, участника-очевидца традиционных Праздников Севера. Мурманск: Кн. изд-во, 1961. 140 с.
14. Филимончик С. Н. Праздничная культура Петрозаводска в 1920–1930-е гг. // CARELICA. 2015. № 1. С. 38–45 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://carelica.petsru.ru/2015/PHILIMONCHIK.pdf> (дата обращения 10.05.2026).
15. Binns C. The changing face of power: Revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system: Part I // Man New Series. 1979. № 4 (14). P. 585–606.
16. Geldern J. von. Bolshevik festivals, 1917–1920. Berkeley: University of California Press, 1993. 305 p.
17. Stites R. Revolutionary dreams. Utopian vision and experimental life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1991. 334 p.

Поступила в редакцию 10.06.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Pavel P. Shutas, Exhibition and Display Specialist, Murmansk Regional Museum (Murmansk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0005-8329-1740; arhaget@gmail.com

SOVIET HOLIDAYS IN THE 1920s AND 1930s AS AN INSTRUMENT OF DOMESTIC POLICY (a case study of the Kola North)

Abstract. The article examines the role of Soviet holidays in the Kola North during the 1920s and 1930s as an instrument of the Soviet state's domestic policy. The relevance of this study is due to the insufficiently studied features of the formation of Soviet holiday culture within this specific region. The study aims to examine Soviet holidays in the Kola North as a controllable instrument for implementing domestic policies during the 1920s and 1930s. To achieve this, the research identifies the main functions of holiday policy, investigates the mechanisms for implementing each of these functions through specific holiday practices, and, through selected examples, traces the evolution of local holiday policy in the 1930s and its relationship with nationwide trends. The novelty of the study lies in its comprehensive systematization and analysis of holiday practices, previously examined only fragmentarily within the Kola North, taking into account their organizational, social, and ideological mechanisms. The study finds that the key objectives of holiday policy in the region during the specified period included securing resources for celebrations, coordinating activities across various departments, engaging the population in regulated forms of collective participation, and promoting ideological directives. The region's dispersed and multi-ethnic population posed certain challenges for organizing holiday events, especially in the context of anti-religious propaganda during the 1920s. Conversely, the region's geographical features were effectively utilized as a basis for organizing a major interregional festival first held in 1934. By the late 1930s, Soviet holidays in the Kola North had evolved into an efficient mechanism of state policy, characterized by the consolidation of Stalin's cult of personality while preserving the region's revolutionary narrative.

Key words: Soviet holidays, Kola North, domestic policy, 1920s, 1930s

For citation: Shutas, P. P. Soviet holidays in the 1920s and 1930s as an instrument of domestic policy (a case study of the Kola North). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):32–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1349

REFERENCES

1. Bardileva, Yu. P. The Russian Orthodox Church in the Kola North during the first half of the XX century. Murmansk, 2015. 253 p. (In Russ.)
2. Barysheva, E. V. "In cheerful rumble, in fires and ringing": the role of Soviet holidays in the social construction of a new society. Moscow, 2020. 193 p. (In Russ.)
3. Volokhova, V. V. Making a myth about the October Revolution of 1917 and the Russian Civil War by means of monumental propaganda (Petrozavodsk, Karelia as an Example). *CARELICA*. 2015;1:8–23. Available at: <http://carelica.petsru.ru/2015/VOLOKHOVA.pdf> (accessed 10.05.2026). (In Russ.)
4. Godunov, K. V. The Red Easter: celebrating the October Revolution anniversaries and the political culture of the Russian Civil War. St. Petersburg, 2023. 254 p. (In Russ.)
5. Dubnitsky, M. A. Festival of the North. Murmansk, 1974. 157 p. (In Russ.)
6. Ermolin, E. A. Materialization of a ghost. Totalitarian theater of Soviet mass actions during the 1920s and 1930s. Yaroslavl, 1996. 141 p. (In Russ.)
7. Kolonitsky, B. I. Symbols of power and the struggle for power: a study of the political culture of the Russian Revolution of 1917. St. Petersburg, 2012. 320 p. (In Russ.)
8. Kotkin, K. Ya. "To work even better. In a cultured manner, cheerfully...": organizing and holding the Kirovsk city's fifth anniversary celebration in 1934. *Murmansk Oblast: history and the present: Proceedings of the round table, 15 November 2018*. Murmansk, 2019. P. 22–38. (In Russ.)
9. Lunacharsky, A. V. About mass celebrations, variety shows, and circus performances. Moscow, 1981. 424 p. (In Russ.)
10. Malysheva, S. Yu. Soviet festive culture in the province: space, symbols, and historical myths (1917–1927). Kazan, 2005. 400 p. (In Russ.)
11. Plaggenborg, S. Revolution and culture: Cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism. St. Petersburg, 2000. 415 p. (In Russ.)
12. Rolf, M. Soviet mass festivals. Moscow, 2009. 439 p. (In Russ.)
13. Sintsov, A. N. Polar Olympics: notes of a skier and an eyewitness to the traditional Northern Festivals. Murmansk, 1961. 140 p. (In Russ.)
14. Filimonchik, S. N. Festive culture of Petrozavodsk in 1920s–1930s. *CARELICA*. 2015;1:38–45. Available at: <http://carelica.petsru.ru/2015/PHILIMONCHIK.pdf> (accessed 15.05.2026). (In Russ.)
15. Binns, C. The changing face of power: Revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system: Part I. *Man New Series*. 1979;4(14):585–606.
16. Geldern, J. von. Bolshevik festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993. 305 p.
17. Stites, R. Revolutionary dreams. Utopian vision and experimental life in the Russian Revolution. New York, 1991. 334 p.

Received: 10 June 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026